

Е. В. Булатая

ОСОБЕННОСТИ ИРОНИЧЕСКОГО НАРРАТИВА Н. В. ГОГОЛЯ

Барановичский государственный университет, Барановичи,

Республика Беларусь

Поступила в редакцию 26.10.2022 г.

Принята к публикации 20.05.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4

36

Для цитирования: Булатая Е. В. Особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 36–47. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4.

Определены особенности иронического нарратива в целом и нарратива литературного произведения в частности, установлены основные черты иронии как самостоятельной текстовой категории, заключающей в себе скрытую авторскую оценку. На основе анализа произведений Н. В. Гоголя сделан вывод о том, что иронический нарратив писателя строится на механизмах, вызывающих противоречие в различных по объему контекстах. Гоголевская ирония выступает индикатором перехода автора от непосредственного изложения событий к их оцениванию и эксплицируется с помощью ряда лексических, синтаксических, фразеологических и текстовых средств, которые служат маркерами смыслового диссонанса в содержании одного или нескольких видов пассажей.

Ключевые слова: нарратив, ирония, иронический нарратив, пассаж, неявная авторская оценка, Н. В. Гоголь, художественный текст

Введение. Теоретические предпосылки исследования

Иронический нарратив как объект научного исследования занимает в современной лингвистике важное проблемное поле, требующее дальнейшего изучения, что объясняется прежде всего как многоаспектностью и разнородностью самого понятия нарратива, так и неоднозначностью языковой категории иронии. Кроме того, рассмотрение иронического нарратива в художественном произведении вносит вклад не только в разработку проблем нарратива художественного дискурса в целом, но и в изучение особенностей построения иронического нарратива как идиостилевой черты автора произведения.

В лингвистических трактовках нарратив представляет собой «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» [8, с. 62]. Соответственно, нарратив характеризуется наличием опреде-



ленных временных рамок, места развертывания событий, персонажей, принимающих участие в событиях. Как видно, основной отличительной чертой нарратива является событийность, которая, в свою очередь, может быть описана с точки зрения структуры нарратива в таких категориях, как время, наклонение и «голос», подразумевающий то, с помощью чего осуществляется повествование.

Рассматривая нарратив в языкознании и учитывая устную и письменную формы его существования, ученые предлагают выделять ряд элементов в структуре нарратива (см., напр.: [6; 11]). Согласно подходу, предложенному В. А. Плунгяном, в нарративном дискурсе выделяются следующие пассажи: интродуктивный, то есть вводный; секвентивный или консеквентивный, который предполагает смену эпизодов; фоновый, включающий дополнительные ситуации уточняющего характера; ретроспективный, возвращающий читателя к более ранним событиям; объяснительный, заключающий в себе авторские пояснения и оценку излагаемых событий (см. подробнее: [6, с. 20–21]).

Важно заметить, что нарратив непосредственно связан с категорией дискурса и может соотноситься с его различными типами. Однако, как справедливо подчеркивает В. А. Плунгян, «те феномены, которые присутствуют в нарративе, как правило, присутствуют и в других типах дискурса, обратное же далеко не всегда верно» [6, с. 11]. Если рассматривать дискурс как ситуацию, в которой протекает повествование, следует понимать нарратив как конкретное рассказанное содержание, характеризующееся определенным сюжетом, наличием персонажей и т. п. Соответственно, дискурс нарратива представляет собой содержание, в котором сообщается о последовательности событий и которое погружено в определенные условия, в ситуацию, включающую экстралингвистические факторы. При дискурсивном подходе нарратив выступает понятием более широким, нежели просто «повествование», поскольку к первому относятся «и описание событий (интродуктивный и фоновый пассажи), и объяснение событий (рассуждения говорящего по поводу происходящих событий)» [7, с. 47].

Нарратив художественного дискурса как объект настоящего исследования отличается субъективностью, личностно-авторскими установками, что, как замечает З. А. Заврумов, «отражается и на уровне манифестирования модальности (эксплицитной или имплицитной), события в нем предстают как события жизни, а сам нарратив в таком тексте представлен в виде жизнеописания литературной личности (автора или персонажа)» [3, с. 118]. Событийность в нарративе литературного произведения определяется на основании нескольких взаимосвязанных факторов: участников события (актеров), акта повествования (нарратора), а также его интерпретаторов (абстрактного автора и абстрактного читателя) [1, с. 55]. Нарратив художественного произведения немислим без компонента субъективной авторской оценки, которая складывается из непосредственно авторских оценочных суждений, точек зрения повествователя, а также представленных автором в повествовании оценок



самых персонажей. В целом к оценочному компоненту в художественном нарративе можно добавить также оценку абстрактного читателя, то есть предполагаемого адресата литературного произведения.

Ирония как сложная текстообразующая категория, выступающая разновидностью авторской модальности, основными характеристиками которой являются оценочность и имплицитность, играет немаловажную роль в построении каркаса нарратива литературного произведения, поскольку «языковая личность автора и индивидуализированное Я повествователя детерминируют структурно-семантические особенности процесса текстообразования, а сам образ автора образует композиционно-смысловой центр художественного текста» [5, с. 169]. В свою очередь, именно посредством иронии в нарративе находит свое отражение авторская оценочная позиция, то есть эмоционально-ценностное отношение автора произведения к событиям, его мировоззренческие установки и интенции, реализующиеся в «голосе» автора, включенном в повествование. «Иронический нарратив, — справедливо замечает К. М. Шилихина, — позволяет рассказчику “переключаться” между собственно повествовательным режимом и режимом рефлексии (этот режим как раз проявляется в комментариях и других фрагментах текста, цель которых — выражение иронического отношения)» [10, с. 63]. При этом изложение информации о событиях выступает так называемым «ключом» к распознаванию иронического смысла, завуалированного в языковых единицах.

Ироническое смыслообразование в нарративе художественного дискурса связано прежде всего с семантическим аспектом лексических единиц, словосочетаний (в том числе и устойчивых) или целых предложений. В этом плане имеет место переключение с прямого значения слов на переносное, получение лексемами дополнительных коннотативных оттенков значения в рамках их контекстной реализации в литературном произведении, то есть такое «соединение» лексем, которое стимулирует адресата художественного текста к поиску скрытого смысла, а именно к декодированию, осмыслению и интерпретации иронии в различных по объему контекстах — от микро- до мегаконтекста. Изучение иронии в координатах нарратива позволяет рассматривать ее на более высоком уровне, нежели только в качестве стилистического приема, фигуры речи или тропа, а именно как текстовую категорию, для реализации которой задействуются разноуровневые средства языка. С помощью иронии «автор разрушает представленную в языковых единицах положительную оценку, имплицитно подчеркивая отрицательные качества характера персонажей» [2, с. 205] или выражая свое неодобрение по отношению к излагаемым событиям.

Целью настоящего исследования является определение специфики построения иронического нарратива классика русской литературы Н. В. Гоголя путем установления средств иронического смыслообразования и характеристики пассажей, в которых реализуется ирония писателя. Материалом для исследования послужили поэма «Мертвые ду-



ши», комедия «Ревизор», повести, входящие в циклы «Миргород», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести». При этом методологию исследования составили методы описательного, семантико-стилистического и контекстуального анализа, а также метод лингвистической интерпретации.

Результаты исследования

Иронический нарратив Н. В. Гоголя представляет собой сложную систему приемов актуализации иронического смысла, составляющую одну из идиостилевых характеристик его произведений. Описывая нарратив Гоголя, О. В. Зырянов тонко замечает, что «Гоголь очень часто прибегает к осложняющему приему нарративной поэтики, когда по пути к реципиенту его авторская концепция личности серьезно трансформируется, преломляясь через оригинальную призму сознания “вторичного” (или сказового) автора-повествователя, как правило, “ненадежного” в плане повествовательной компетенции рассказчика, тайно просвечивая сквозь “остраненно”-ироническую стилевую ткань произведения» [4, с. 268].

Рассмотрим особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя в соответствии с языковыми уровнями реализации иронии и спецификой переключения автора с режима повествования на режим оценивания.

На лексическом уровне сигналом иронии служит нетипичное, алогичное сочетание лексических единиц в одном контексте, при котором автор задействует различные механизмы иронического смыслообразования. К примеру, рассмотрим отрывок из комедии «Ревизор»: «“...Я знаю, что за тобою, как за всяким, *водятся грешки*, потому что ты человек *умный* и не любишь пропускать того, что *плывет в руки*...”» [14, с. 163]. В приведенном контексте ироническое изложение содержания письма Чмыхова к городничему достигается за счет диссонанса между семантикой лексемы *умный* и словосочетаний *плыть в руки*, *водятся грешки*. Заметим, что прямое значение имени прилагательного *умный*, то есть ‘обладающий здравым умом, сообразительностью’ [15, т. 4, с. 493], получает в одном контексте с фразеологизмом *плыть в руки* ‘легко, без труда доставаться, приходиться как бы само собой’ [16, с. 474] и образным выражением *водятся грешки* новые оттенки значения с негативной коннотацией. Именно это позволяет читателю интерпретировать контекстуальное значение прилагательного *умный* как развитую способность городничего постоянно брать взятки. Описанный механизм актуализирует иронию автора, то есть его ценностное ироническое отношение к персонажу произведения «Ревизор» — городничему, что, в свою очередь, реализуется автором не напрямую, а через оценку городничего другим персонажем произведения. Как видно, в приведенном примере на секвентивный пассаж гармонично «накладывается» оценочный: авторская оценка не нарушает повествование, а уже включена в него.



С точки зрения построения иронического нарратива Гоголя на лексическом уровне интерес представляет механизм иронического смыслопорождения посредством антитезы. В этом плане репрезентативен следующий фрагмент из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Но тетушка, которая еще издали завидела рогожную кибитку, была уже здесь. И Иван Федорович изумился, когда *она почти подняла его на руках*, как бы не доверяя, та ли это тетушка, которая писала к нему о своей дряхлости и болезни» [12, с. 148] (здесь и далее курсив в цитатах принадлежит автору статьи). Событие приезда тетушки к Ивану Федоровичу излагается автором иронично с помощью неоднозначного описания здоровья тетушки. С одной стороны, употребленные в контексте имена существительные *дряхлость* (см. *дряхлый* — ‘слабый, немощный от старости; очень старый’ [15, т. 1, с. 450]) и *болезнь*, а с другой стороны, фраза *она почти подняла его на руках*, создают противоречивые смысловые отношения в микроконтексте повести. Немощность тетушки противопоставляется автором ее способности поднять взрослого племянника. При этом ироническая оценка реализуется на стыке перехода от непосредственно описываемого события (*она почти подняла его на руках*) к событию, произошедшему раньше, — воспоминанию Иваном Федоровичем о сведениях из письма тетушки (*писала к нему о своей дряхлости и болезни*). С точки зрения характеристики структуры нарратива следует отметить, что в указанном примере ирония актуализируется в результате перехода автора от секвентивного пассажа к ретроспективному.

Алогизм, возникающий посредством стилистической антитезы, достаточно часто служит ироническому смыслообразованию в произведениях Гоголя. Следующий отрывок выступает примером резкой парадоксальной характеристики персонажа из поэмы «Мертвые души»: «— <...> Все христопродавцы. Один там только и есть *порядочный* человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, *свинья*» [13, с. 129]. Имя прилагательное *порядочный* ‘честный, не способный на низкие поступки’ [15, т. 3, с. 301] неожиданно противопоставляется автором стилистически сниженной лексеме *свинья*, употребляющейся в значении суждения ‘о человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко’ [15, т. 4, с. 50], что, безусловно, свидетельствует о противоречивой оценке автором прокурора и указывает на наличие имплицитного смысла с ироническим подтекстом в описании персонажа в рамках одного излагаемого события. Неодобрительная оценка писателем городничего гармонично включена в содержание фонового пассажа, в рамках которого Собакевич рассказывал Чичикову о прокуроре.

Построение иронического нарратива в гоголевских произведениях на **синтаксическом** уровне связано со смысловым диссонансом, возникающим в рамках определенной синтаксической структуры, что, к примеру, может быть вызвано повторением определенных лексем, словосочетаний, предложений, притворными восклицаниями, разрывом повествования посредством многоточий и др.

В целом для произведений Гоголя характерно частотное использование различных типов повторов. В свою очередь, реализации иронии



на синтаксическом уровне служат локальные повторы, которые задействуют небольшие по объему контексты и посвящены отдельным, сопутствующим основной теме, микротемам в произведении. Смысловый диссонанс возникает как при нарочитом перечислении автором однотипных лексических элементов или синтаксических структур, так и при повторении синонимичных или антонимичных по значению элементов. К примеру, в следующем отрывке из повести «Невский проспект» используется механизм повторения семантически противоположных словосочетаний, включающих ключевое слово *искусство*. Ср.: «Но прежде нежели мы скажем, кто таков был поручик Пирогов, не мешает кое-что рассказать о том обществе, к которому принадлежал Пирогов. <...> Несколько бледных, совершенно бесцветных, как Петербург, дочерей <...> Этих хладнокровных девиц чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смеяться; для этого нужно *большое искусство* или, лучше сказать, совсем не иметь *никакого искусства*» [14, с. 25]. Автор иронизирует по поводу дам, принадлежавших к обществу среднего класса в Петербурге, к которому относился и один из главных героев повести — поручик Пирогов. Как видно из приведенного фрагмента, автор переходит от секвентивного пассажа (характеристика Пирогова) к фоновому (характеристика общества, к которому принадлежал Пирогов), в координатах которого и дает ироническую оценку дамам. Таким образом, авторская оценка «наслаивается» на фоновый пассаж.

Так называемые притворные восклицания служат реализации иронии с помощью такого механизма, когда в восклицании возникает смысл, полностью противоречащий его прямому значению. Эмоции, выражаемые посредством притворных восклицаний, характеризуются недостоверностью и не соответствуют представленной в контексте ситуации. Показателен в этом плане следующий отрывок фонового пассажа из поэмы «Мертвые души»: «Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе; а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; *чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!*» [13, с. 269]. Приведенный фрагмент из фонового пассажа, представляющего биографию Чичикова, дает характеристику службы персонажа в канцелярии. Восклицание-вывод просителя, который пришел в канцелярию, где трудился Чичиков, противоречит обстоятельствам, излагаемым в пассаже. В восклицании персонажа *Чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!* звучат ноты возмущения не относительно неподкупности чиновников, а напротив, по поводу взяток, которые со временем увеличивались в размерах. Примечательно, что ирония реализуется в приведенном отрывке в рамках одного и того же пассажа в результате несоответствия эмоционально-оценочного суждения персонажа общей ситуации, представленной в контексте.

Использование многоточия при построении иронического нарратива в гоголевских текстах имеет экспрессивно-эмоциональную основу и свидетельствует о наличии в нарочито опущенной писателем информации авторского подтекста. Ср.: «Жена его... впрочем, они были



совершенно довольны друг другом. <...> Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед» [13, с. 52–54]. Неодобрительная ироническая оценка актуализируется в результате неоднократного опущения автором информации о жене помещика Манилова в рамках фонового пассажа, поясняющего обстоятельства его встречи с Чичиковым. В первом случае автор кратко описывает Манилову опосредованно через отношения между супругами: *жена его... Впрочем, они были совершенно довольны друг другом*. Во втором случае писатель прибегает и вовсе к смене темы, возвращаясь к секвентивному пассажи: *Манилова... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям*. Таким образом, иронический нарратив в приведенном примере строится на следующем механизме: фоновый пассаж несколько раз прерывается за счет нарочитого включения в него объяснительных пассажей — авторских пояснений и примечаний.

В гоголевских произведениях для реализации иронии достаточно часто задействованы **фразеологические** единицы языка. Использование богатой палитры фразеологизмов, включающей и трансформированные единицы, — одна из типичных черт идиостиля Гоголя. Как известно, фразеологизмы обладают высокой степенью эмоциональности и «становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа» [9, с. 136]. В ироническом нарративе роль фразеологизма состоит, во-первых, в его особой семантике, во-вторых, в неординарном употреблении фразеологизма в контексте, то есть в его ироническом переосмыслении, а в-третьих, в использовании фразеологической единицы в трансформированной форме с новой семантической и экспрессивно-оценочной составляющей. В нижеприведенном контексте ироническое переосмысление фразеологизма возникает вследствие несоответствия его словарного значения контекстуальному употреблению. Ср.: «Но все очень усомнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко. Впрочем, они, с своей стороны, тоже *не ударили лицом в грязь* и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далее. Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон...» [13, с. 244]. Разговорная фразеологическая единица с одобрительной окраской значения *не ударить лицом в грязь* 'показать себя с лучшей стороны; сделать ч.-л. наилучшим образом' [16, с. 698–699] получает в контексте излагаемого события о догадках чиновников относительно того, кем же был на самом деле Чичиков, противоположное значение. При этом ироническая оценка писателем чиновничьего общества включена в содержание секвентивного пассажа.

С точки зрения построения иронического нарратива Гоголя показательны трансформированные фразеологические единицы, которые



отличаются от фразеологизмов, закрепленных в словарях, как правило, по структурно-семантическому признаку. Гоголевские трансформированные фразеологизмы основаны на замене одного или нескольких лексических компонентов, вследствие чего фразеологическая единица получает новое значение, диссонирующее со значением подлинного фразеологизма. Ср.: «Артемий Филиппович. <...> Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком» [14, с. 194]. Замена смыслового глагола *мрут (дохнут)* в известной пословице *мрут (дохнут) как мухи* 'погибают в огромном количестве' [16, с. 382] на глагол с антонимичным значением *выздоровливают* способствует наделению устойчивого выражения семантически положительной коннотацией. Вместе с тем при восприятии и интерпретации смысла трансформированной пословицы читатель в первую очередь обращается к семантике исходного фразеологизма, которая, в свою очередь, противоречит новой. Таким образом читатель распознает иронический подтекст, представленный в рамках секвентивного пассажа из комедии «Ревизор», где попечитель богоугодных заведений Артемий Филиппович хвастливо делится информацией с так называемым ревизором о невероятно быстром процессе выздоровления больных в доверенном ему лазарете.

Текстовый уровень реализации иронии в произведениях Гоголя характеризуется формированием сложного иронического образа, коррелирующего с лейтмотивом произведения и функционирующего в мегахонтексте. На текстовом уровне как на самом сложном уровне организации иронического нарратива Гоголя реализации иронии служат в первую очередь **интертекстуальные включения**, авторские отступления и общетекстовые повторы. К примеру, в следующем отрывке из поэмы «Мертвые души» автор при описании беседы между Софьей Ивановной и Анной Григорьевной о Чичикове дает отсылку к герою из романа Х. Вольпиуса: «— Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы вроде *Ринальда Ринальдина* и требует: “Продайте”, говорит, “все души, которые умерли”» [13, с. 220]. Как известно, Ринальд Ринальдин — романтический разбойник из одноименного романа Вольпиуса. Используя интертекстуальное включение в форме цитирования имени персонажа, автор старается в очередной раз обличить нечестную натуру Чичикова. Посредством создания аллюзивной отсылки к разбойнику Ринальду Ринальдину писатель намекает на тот факт, что сам Чичиков в действительности был таким же разбойником, обманывающим помещиков и скупающим «мертвые души». С точки зрения построения иронического нарратива интертекстуальное включение служит отправной точкой декодирования иронического смысла и выступает своего рода «переключателем» между повествуемым в произведении событием и событием, к которому отсылает интертекстуальное включение.



Гоголевская ирония зачастую актуализируется на уровне текста посредством **авторских комментариев**, которые прерывают повествование и становятся краткими авторскими обобщениями оценочного характера относительно актуальных проблем, освещаемых в произведениях. К примеру, в поэме «Мертвые души» автор нарочито прерывает беседу дам Анны Григорьевны и Софьи Ивановны и делает комментарий относительно включения в их речь французских слов и фраз. Таким образом, секвентивный пассаж разделяет объяснительный, включающий авторские оценочные пояснения относительно представленной в секвентивном пассаже информации. Ср: «— Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! *Ведь это история, понимаете ли: история, сконапел исторар*, — говорила гостя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. *Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным ползам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму*» [13, с. 219]. Ирония достигается за счет создания дисгармоничного тона в контексте: с одной стороны, «красивая» речь дам высшего общества, наполненная французскими словами, с другой — неоднозначный комментарий автора относительно употребления в русской речи французского языка. В своем оценочном комментарии автор притворно восхваляет использование французских слов в русской речи, скрыто негодуя по поводу иррационального «загромождения» русского языка заимствованиями.

Посредством **общетекстового повтора** иронический смысл возникает в рамках нескольких отдаленных друг от друга пассажей, которые на уровне всего произведения или мегаконтекста в произведении формируют неявную оценку автора. Показателен в этом плане пример из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином, хотя, впрочем, не во все еще отрасли хозяйства позволяла ему вмешиваться. *“Воно ще молода дытына, — обыкновенно она говаривала, несмотря на то что Ивану Федоровичу было без малого сорок лет, — где ему все знать!”*» [12, с. 149]; «— Ну вот, уже и обиделся! — сказала тетушка. *“Ще молода дытына, — подумала она про себя, — ничего не знает!* нужно их свести вместе, пусть познакомятся!” <...> Но с этого времени она только и думала о том, как увидеть скорее своего племянника женатым и понянчить маленьких внучков» [12, с. 156]; «— Узнаешь, Иван Федорович, узнаешь, — промолвила, улыбаясь, тетушка и подумала про себя: — *“Куды ж! ще зовсим молода дытына, ничего не знает!”* — Да, Иван Федорович! — продолжала она вслух, — лучшей жены нельзя сыскать тебе, как Марья Григорьевна» [12, с. 158]. Многократный повтор тетушкой Шпоньки восклицания *Ще*



молода дытына, ничего не знает! (с незначительной модификацией восклицательного предложения при повторах) при описании различных событий, то есть в рамках различных секвентивных пассажей, заключающих в себе оценочные компоненты (ведение персонажем хозяйства, планы тетушки относительно женитьбы племянника, подбор племяннику кандидатуры в жены), актуализирует комплексную ироническую оценку автором персонажа Шпоньки. Герой предстает перед читателем как нерешительный и неуверенный в себе мужчина в возрасте почти сорока лет, за которого все проблемы решает его активная тетя. Как видно, обобщенную ироничную оценку персонажа писатель формирует постепенно, гармонично связывая между собой различные ситуации.

Выводы

Обобщая изложенное, отметим, что иронический нарратив Н. В. Гоголя — сложная система скрытых авторских оценок, функционирующих в произведениях писателя в нарочито созданных им ситуациях. Многогранность и неоднородность гоголевского иронического нарратива, заключающегося в отражении эмоционально-оценочного отношения автора к повествуемым событиям путем включения в содержание текста элементов, нарушающих логический смысл повествования, обусловлена как имплицитностью иронической оценки, так и особенностями идиостиля автора. Иронический нарратив Гоголя реализуется с помощью средств, относящихся к различным языковым уровням (лексических, синтаксических, фразеологических, текстовых) и отличающихся свойственными им механизмами иронического смыслообразования. Указанные средства экспликации иронии выступают так называемыми индикаторами переключения автора непосредственно с повествования на оценку повествуемого. При этом важно заметить, что с точки зрения особенностей и структуры нарратива в целом иронический нарратив Гоголя отличается разноплановостью построения. Наиболее частотно в произведениях писателя ирония актуализируется в результате смыслового диссонанса, возникающего непосредственно в содержании одного и того же пассажа, когда оценка автора «наслаивается» на повествование. Вместе с тем в гоголевском нарративе имеют место случаи, когда ирония возникает на стыке перехода от одного вида пассажа к другому — вследствие как того, что один вид пассажа прерывается за счет включения в его состав объяснительного(ых) пассажа(ей), так и того, что однотипные, отдаленные друг от друга пассажи взаимодействуют в произведении. При этом немаловажно следующее: иронический нарратив строится так, что внимание читателя при восприятии текста смещается на авторскую оценку, а описание определенных событий становится лишь условием для возникновения данной оценки. Кроме того, если проводить параллель между средствами реализации иронии и структурой нарратива в общем, то становится очевидным, что особенности структуры иронического нарратива во многом обусловлены спецификой самих разноуровневых средств выражения иронии.



Список литературы

1. *Андреева В. А.* Событие и художественный нарратив // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. №7 (21): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология). С. 44–57.
2. *Ваулина С. С., Булатая Е. В.* Ирония как средство характеристики персонажей в произведениях Н. В. Гоголя // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, №4. С. 200–209. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.15>.
3. *Заврумов З. А.* Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. №3. С. 117–123.
4. *Зырянов О. В.* Н. Гоголь и Д. Хармс: границы антропологического эксперимента // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения : материалы докл. междунар. науч. конф., Москва, 30 марта – 2 апреля 2010 г. М., 2010. С. 265–272.
5. *Кузнецова А. В.* Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №4. С. 164–170. doi: [10.29025/2079-6021-2019-4-164-170](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-164-170).
6. *Плунгян В. А.* Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. М., 2008. Вып. 4 : Грамматические категории в дискурсе. С. 7–36.
7. *Попова Т. И.* Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. №2. С. 46–50.
8. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2004. №6-7. С. 56–74.
9. *Шанский Н. М.* Лексика и фразеология современного русского языка. М., 1957.
10. *Шилихина К. М.* Иронический нарратив: особенности структуры текста // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 59–63.
11. *Labov W.* Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia, 1972.
12. *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Минск, 1980.
13. *Гоголь Н. В.* Мертвые души. М., 1972.
14. *Гоголь Н. В.* Повести. Драматические произведения. Л., 1983.
15. *Словарь русского языка* : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. М., 1999.
16. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. М., 2008.

Об авторе

Елена Васильевна Булатая — канд. филол. наук, доц., Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь.

E-mail: bulataya87@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>



E. V. Bulataya

PECULIARITIES OF GOGOL'S IRONIC NARRATIVE

Baranovichy State University, Republic of Belarus

Received 26 October 2022

Accepted 20 May 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4

To cite this article: Bulataya E. V. 2023, Peculiarities of Gogol's ironic narrative, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 36—47. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4.

47

The author identifies the features of ironic narration in general and the narrative of a literary work in particular. The main characteristics of irony as an independent textual category, encompassing hidden authorial evaluation, have been established. Based on the analysis of N. V. Gogol's works, it is concluded that the ironic narrative of the writer is built on mechanisms that generate contradiction in various contexts. Gogol's irony serves as an indicator of the author's transition from the direct presentation of events to their evaluation and is manifested through a range of lexical, syntactic, phraseological, and textual devices, which act as markers of semantic dissonance in the content of one or several passages.

Keywords: narrative, irony, ironic narrative, passage, implicit authorial evaluation, N. V. Gogol, literary text

The author

Dr. Elena V. Bulataya, Baranovichy State University, Republic of Belarus.

E-mail: bulataya87@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>